

Е.В. Полянский*

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИГАРКИ:
ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ
В 1930-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-5-12
УДК 94(571)-054.7

Выходные данные для цитирования:
Полянский Е.В. Спецпереселенцы Игарки: подходы и механизмы управления в 1930-е годы // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 136–149.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-12.pdf>

E.V. Polyanskiy*

**SPECIAL SETTLERS IN IGARKA:
ADMINISTRATIVE APPROACHES AND GOVERNANCE
MECHANISMS IN THE 1930S**

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-12

How to cite:
Polyanskiy E.V. Special Settlers in Igarka: Administrative Approaches and Governance Mechanisms in the 1930s // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 136–149.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-12.pdf>]

Abstract. The article examines the mechanisms of governance over special settlers in Igarka during the 1930s as a local case study that reveals the specific features of administrative logic and power relations on the Soviet periphery. The focus is on the distribution of functions and authority among four key actors: the local civil administration, party structures, the OGPU–NKVD bodies, and major union-level economic organizations, which oversaw all of the town’s principal economic assets. Particular attention is given to the emergence of stable practices for managing the special contingent under conditions of institutional fragmentation, resource scarcity, and multi-tiered accountability. Drawing on archival sources, the article analyzes not only formal administrative structures but also everyday managerial decisions that shaped the regulation of labor, living conditions, and resource distribution among special settlers. Igarka is examined as a space of “urban exile”, where the special contingent made up a significant portion of the population and, in effect, defined the town’s social landscape—despite the fact that their special status was rarely emphasized in official documents. The analysis of the Igarka case reveals the contradictions between the repressive nature of special resettlement and the necessity of integrating settlers into economic processes. This perspective offers new insight into the functioning of Soviet power under the pressures of modernization and local constraints, while also clarifying the boundaries of regional actors’ autonomy within a centralized system of governance.

Keywords: Igarka, special settlers, Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP), Komseverput’, governance, Soviet periphery, 1930s, economic agencies, administrative practices, party control.

The article has been received by the editor on 23.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизмов управления спецпереселенцами в Игарке в 1930-е гг. как локального кейса, позволяющего раскрыть особенности административной логики и взаимодействий власти на советской периферии. В центре внимания – распределение функций и полномочий между четырьмя

* **Евгений Валерьевич Полянский**, аспирант, Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, e-mail: lebrovski@gmail.com
Evgeny Valerievich Polyansky, Postgraduate Student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: lebrovski@gmail.com

основными акторами: местной гражданской администрацией, партийными структурами, органами ОГПУ–НКВД и крупными союзными хозяйственными организациями, в подчинении которых находились все основные хозяйственные объекты города. Особое внимание уделяется тому, как в условиях ведомственной фрагментации, дефицита ресурсов и многоуровневой подотчетности складывались устойчивые практики управления спецконтингентом. На основе архивных источников в статье проанализированы не только формальные управленческие структуры, но и повседневные административные решения, отражавшие специфику регулирования труда, быта и распределения ресурсов среди спецпереселенцев. Игарка рассмотрена как пространство «городской ссылки», где спецконтингент составлял значительную часть населения и фактически определял социальный ландшафт, несмотря на то, что его особый статус редко акцентировался в официальных документах. Через анализ кейса Игарки раскрыты противоречия между репрессивным характером спецпереселения и необходимостью интеграции переселенцев в хозяйственные процессы. Это позволяет по-новому взглянуть на функционирование советской власти в условиях модернизационного давления и локальных ограничений, а также уточнить границы автономии региональных акторов в рамках централизованной системы управления.

Ключевые слова: Игарка, спецпереселенцы, ГУСМП, Комсерпуть, управление, советская периферия, 1930-е гг., хозяйственные ведомства, административная практика, партийный контроль.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025 г.

Введение. Задачи модернизации, поставленные советским государством в 1920–1930-е гг., требовали масштабного привлечения трудовых ресурсов. В условиях острого дефицита рабочей силы власть прибегала к различным формам принудительной мобилизации – от миграционных кампаний до административной высылки. Особое место среди них занимало спецпереселение – перемещение определенных категорий граждан с запретом на смену места жительства. Оно сочетало элементы наказания и хозяйственного использования, становясь важным инструментом реализации задач сталинской модернизации.

История спецпереселения получила широкое освещение в историографии. Изучены как масштабы репрессий, так и особенности административной организации. В.А. Бердинских проанализировал формирование инфраструктуры спецпоселений и подчеркнул их правовую неопределенность; С.А. Красильниковым изучены практики крестьянской ссылки в Западной Сибири и динамика правового положения спецконтингента; Л. Виола рассмотрела спецпоселения как самостоятельную систему принудительного труда, сопоставимую с лагерями ГУЛАГа и связанную с освоением Севера¹. Современные исследования все чаще сосредоточены на повседневной жизни переселенных, региональной специфике и последствиях репрессивной политики². Особое внимание уделяется адаптации переселенных в условиях

¹ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. М., 2017; Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003; Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении. Итоги «первой пятилетки» (1931–1935 гг.) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003. С. 72–86; Красильников С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М., 2010; Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). М., 2017; Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010.

² Лобченко Л.Н., Панкратова М.Е., Яшина А.Н. Особенности формирования, организации и развития сельского хозяйства в спецпоселках Северного края в 1930-х гг. // Вопросы истории. 2023. № 12. С. 82–95; Alagozkyzy G. A policy of ‘dekulakization’ and deportations from the republic: on the example of special resettles // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. Vol. 140, № 3. P. 122–135; Игнатова Н.М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 8. С. 52–60.

спецпоселения и после снятия ограничений³. Все чаще спецпереселение трактуется как часть широкой миграционной и колонизационной политики советского государства⁴. В работах А.С. Иванова акцент сделан на мобилизационном характере спецпереселений, их ведомственной направленности и роли в обеспечении отраслей (в частности рыбной промышленности) трудовыми ресурсами, а также на формировании «режимного пространства» и идентичности переселенных в условиях северных городов⁵.

В целом большинство исследований сосредоточено на общих характеристиках системы. Между тем обращение к конкретным примерам позволяет увидеть, как работали механизмы подчинения, адаптации и повседневного управления в рамках заданной модели. Настоящая статья посвящена Игарке – северному промышленному городу, где спецпереселенцы в 1930-е гг. стали ключевым элементом социального и административного устройства.

В отличие от регионов, где спецконтингент оставался изолированной группой, в Игарке он составлял большинство постоянного населения⁶. Это определяло не только социальную структуру, но и характер управления: значительная часть решений была ориентирована именно на переселенных.

Спецпереселенцы, прикрепленные к территории, не имели права выезда за пределы Игарского горсовета. Тогда как сезонные и контрактные рабочие покидали город, переселенные составляли его стабильное население и основной трудовой ресурс. Уже в начале 1930-х гг. местные власти отмечали высокий уровень текучести среди временных работников и острый кадровый дефицит, что делало спецпереселенцев основой социальной и производственной структуры города⁷.

Это порождало специфическую управленческую ситуацию: хотя особый статус переселенных редко фиксировался в документах, решения в области снабжения, строительства, организации труда и культурной политики в первую очередь касались именно их. В связи с этим акцент в статье сделан на ситуациях, когда статус спецпереселенцев артикулировался и становился предметом административного или политического решения. Такой подход позволяет рассматривать Игарку как пространство пересечения режимного и «нормального» порядка.

Административные практики управления спецпереселенцами на примере Игарки.

В 1930-е гг. практика массового принудительного переселения крестьян приобрела беспрецедентный масштаб и черты институциональной устойчивости. При этом многие исследователи подчеркивают, что на начальном этапе система развивалась в условиях правовой и терминологической неопределенности.

До середины 1931 г. нормативное обеспечение высылки оставалось фрагментарным: не существовало единого корпуса актов, определявших правовой статус переселенных, их права и ограничения. Не был установлен и порядок взаимодействия между ОГПУ, наркоматами, хозяйственными и исполнительными структурами, ответственными за размещение и трудовое использование спецконтингента. Система функционировала на основе ситуа-

³ Красильников С.А. Четверть века крестьянской ссылки: итоги репрессированного раскрестьянивания (1930–1954) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: мат-лы XV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. М., 2023. С. 312–320.

⁴ Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х – начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63–73.

⁵ Иванов А.С., Михалев Н.А. «Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири) // Новейшая история России. 2023. № 1. С. 39–55; Иванов А.С. Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4. С. 40–46.

⁶ См. например: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9570. Оп. 1. Д. 390. Л. 70

⁷ Остроумова В.П. Дело освоения Севера двигать вперед! // Красноярский рабочий. 1935, № 149. С. 1; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-21. Оп. 1. Д. 38. Л. 10; Д. 83. Л. 4; Оп. 2. Д. 10. Л. 11 об; Оп. 3. Д. 4. Л. 21–22.

тивных решений и внутриведомственных инструкций, не имевших общегосударственного статуса, что сохраняло состояние правовой неопределенности⁸.

Как отмечают С.А. Красильников и С.Н. Ушакова, «сталинский режим сознательно не придавал репрессиям четко очерченных законодательных рамок». Депортация как внесудебная мера не вписывалась в нормы традиционной ссылки: она была бессрочной, применялась к семьям и сопровождалась обязательным трудом⁹.

Централизация системы спецпереселения началась в 1931 г., когда спецпоселки были выведены из-под контроля краевых органов и включены в вертикаль ОГПУ. Приказами ведомства был создан специальный отдел при ГУЛАГе и закреплено двойное финансирование спецпоселений через договоры с хозяйственными организациями¹⁰.

По постановлению СНК СССР от 1 июля 1931 г. ОГПУ получило контроль над размещением, снабжением и финансированием спецпереселенцев, тогда как земельные органы отвечали за обеспечение земель, инвентарем и семенами. Принятые в этом же году положения регламентировали режим проживания и дисциплинарную практику, а постановление ЦИК от 3 июля 1931 г. вводило условное восстановление гражданских прав через пять лет безупречного поведения, что придавало ссылке форму управляемого «социального контракта»¹¹. Эти меры частично устранили правовую неопределенность и оформили спецпоселения как централизованную карательно-трудовую систему.

Постановление «Об устройстве спецпереселенцев» и циркуляры ОГПУ кодифицировали нормы размещения: предписывалось селить переселенцев вне зон коллективизации и вдали от транспортных артерий – в «наиболее глухих и отдаленных местах». Это, однако, затрудняло снабжение и управление. Полномочия делились между «переселенческим самоуправлением», комендатурами ОГПУ, местными исполкомами и ведомствами, использовавшими труд переселенных¹².

Спецпоселки подразделялись на промышленные, лесные, сельскохозяйственные и промысловые, в зависимости от производственной специализации. Часто встречались смешанные формы, особенно в лесных районах, где сочетались трудовая занятость и подсобное хозяйство. Одна комендатура могла охватывать десятки поселков разных типов, что осложняло контроль и управление¹³.

Закрепленная в 1931 г. система представляла собой лишь усредненную модель. На практике организация спецпоселков различалась в зависимости от географии, ведомственной принадлежности и подходов конкретных исполнителей. Нормативные положения часто оставались на бумаге, а реальные условия жизни не соответствовали установленным стандартам.

Кодификация придавала системе не только карательно-трудовой, но и пространственный характер. Поселки, размещенные вдали от транспортных артерий, становились опорными

⁸ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 69, 86, 88–89; Красильников С.А. Серп и Молох... С. 76, 116.

⁹ Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 72.

¹⁰ Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы // Проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 13–14; Тепляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М., 2013. С. 451–452; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 201, 256–257; Раков А.А. Спецпереселенцы на Урале в 1930-е гг.: генезис и динамика региональной подсистемы принудительного труда // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М., 2013. С. 427.

¹¹ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 257–258; Красильников С.А. Серп и Молох... С. 119; Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 72

¹² Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы... С. 13; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 202; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 48, 198, 202, 307–308, 345; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 63, 366–367; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 74.

¹³ Политбюро и крестьянство... Кн. 1... С. 359; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 205; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 309–310.

точками освоения малонаселенных территорий. Постановления СНК и договоры ОГПУ с хозорганизациями превратили изоляцию в механизм трудовой мобилизации: переселенцев направляли на строительство, лесозаготовки, добычу ресурсов. Спецпереселение стало каналом перераспределения рабочей силы в рамках сталинской модернизации. В Игарке – международном порту Енисейского Заполярья – эта логика проявилась особенно наглядно: переселенные стали ядром трудового контингента лесокомбината и базы Северного морского пути.

С самого начала Игарка была ключевым пунктом советского Арктического проекта – «воротами в Арктику». В конце 1920-х гг. перед Всесоюзным объединением «Комсеперпуть» (КСМП)¹⁴ стояла задача увеличить вывоз сибирского леса по Севморпути и активизировать Карские экспедиции. В рамках этой программы начались поиски места для перевалки грузов с речного на морской транспорт¹⁵. В 1928 г. в Игарской протоке прошла пробная загрузка судов, а в 1929 г. сюда доставили стройматериалы, оборудование, продовольствие и более 200 строителей-зимовщиков. Началось строительство порта, лесозавода и рабочего поселка, позднее ставшего городом¹⁶.

Несмотря на суровые условия, Игарка стала ярким примером быстрой урбанизации и индустриального роста 1930-х гг. С конца 1929 по май 1931 г. было запущено три лесозавода¹⁷. Население выросло с 252 человек до 15 000 к 1934 г. и более 23 000 к 1939 г.¹⁸ Уже в 1933 г. через порт экспортировали 23 000 стандартов пиломатериалов¹⁹, а в Карской операции он принял 25 из 30 судов²⁰. Город стал ключевым пунктом освоения Восточного Севморпути и единственным в своем секторе, отмеченным на карте «Крупнейшихстроек второй пятилетки»²¹. Согласно трудам Н.Ю. Замятиной, Игарка была не просто производственным узлом, а комплексной «базой освоения» – с административной, технической, культурной и бытовой функциями²². Дж. МакКеннон называл ее «одной из самых ярких драгоценностей» Советской Арктики²³. Город был символом советского «арктического проекта» и воплощал курс на модернизацию и инфраструктурное закрепление в Заполярье²⁴.

С момента основания Игарка – это ведомственный город – проект Комсеперпути, созданный для обеспечения СМП, внешней торговли и перевалки грузов²⁵. Все крупные предприятия города входили в Северо-Енисейский комбинат КСМП, который был основным «работодателем» спецпереселенцев. Уже в 1930 г. Сибирское краевое управление рассматривало Нижний Енисей как приоритетную зону переселенческой колонизации²⁶. В декабре того же года к игарским предприятиям было приписано 240 семей, а к октябрю 1931 г. – почти 14 000 человек, что составляло 16 % всех спецпереселенцев Восточно-Сибирского края²⁷.

¹⁴ Всесоюзное экспортно-импортное и транспортно-промышленное объединение «Комсеперпуть» – это ведомство при Наркомате внешней и внутренней торговли, существовавшее с 1931 по 1933 гг. Главными задачами Комсеперпути были: обеспечение судоходства и экспортной торговли по СМП, эксплуатация промышленных предприятий, развитие промысловой деятельности, научное изучение арктических территорий СССР.

¹⁵ Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск, 1936. С. 75–78.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 6. Л. 150.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Крайний Север к 1934 г.: сб. мат-лов по хозяйственному и культурному строительству. М., 1934. С. 11; Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge 2014. P. 281.

¹⁹ Стандарт – коммерческая, нормативная единица объема древесины или пиломатериалов укладываемой в определенную стандартную упаковку или штабель. Был равен приблизительно 8,12 м³.

²⁰ Карские операции 1920–1930-х годов: сб. док-тов из архива компании «Совфрахт». М., 2019. С. 38.

²¹ Северные морские пути России. М., 2023. С. 150, 163.

²² Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2. С. 6

²³ McCannon J. Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union. New York, 1998. P. 89.

²⁴ Schweitzer P, Povorozhuyk O, Schiesser S. Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environmental in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, No 1. P. 64.

²⁵ Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв. сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2011. С. 125.

²⁶ Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 195.

²⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док-тов в 7 т. М., 2004. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 132; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 320, 326.

Хотя переселенные распределялись также на рыбозаводы Усть-Порта, графитовые рудники Курейки и совхозы КСМП, основная их масса была сконцентрирована в Игарке²⁸.

По архивным и мемуарным свидетельствам, в начале 1930-х гг. спецпереселенцы составляли значительную часть населения. Оргбюро крайкома ВКП(б)²⁹ напрямую указывало на их численное преобладание³⁰. В 1936 г. британский журналист Питер Смолка оценивал их число в 4 000 и отмечал: они были повсюду, неотличимы от остального населения³¹. Американская журналистка Рут Грубер также писала, что переселенные свободно передвигались по улицам, носили обычную одежду и ничем не выделялись³². Это объясняется тем, что они работали на основных предприятиях КСМП, а их жилье располагалось в центре города, рядом с рабочими кварталами³³. Об этом же вспоминала Евфалия Палеева: их бараки находились у биржи пиломатериалов и в самом центре «нового города»³⁴.

Таким образом, Игарка 1930-х гг. была не просто ведомственным городом на периферии, но и пространством пересечения режимного и «нормального» порядка. Массовое включение спецпереселенцев в повседневную жизнь размывало границы между принудительной и свободной мобилизацией. В этом контексте анализ их положения, основанный на учете общих социальных условий, позволяет рассматривать Игарку как точку соприкосновения ГУЛАГа и не-ГУЛАГа – в трактовке О. В. Хлевнюка³⁵.

В 1930-е гг. спецпереселенцы в Игарке были не маргинальной, а ключевой частью трудового и социального ландшафта. Это ставит вопрос о конфигурации власти, регулировавшей их положение. Формально управление осуществляли три актора: Комсеверпуть, советско-партийная администрация и органы ОГПУ–НКВД. На практике же власть формировалась в условиях ведомственной фрагментации и отсутствия единого центра – через ситуативные договоренности, партнерство и локальную инициативу. В Игарке такая модель проявилась особенно отчетливо, создав сложную и противоречивую систему, в рамках которой решались и вопросы, связанные со спецпереселенцами.

Город изначально возник как рабочий поселок Комсеверпути. По отчетам комиссии Сибирского РКК, обследовавшей Игарку летом 1930 г., КСМП контролировал все: от строительства и снабжения до медицины и культурной сферы³⁶. Он стал основным заказчиком труда спецпереселенцев и нес полную ответственность за их обеспечение жильем, продуктами и предметами первой необходимости. Такая модель соответствовала общесоюзной норме: постановление СНК СССР от 10 апреля 1930 г. и протокол августовского совещания в Сибкрайисполкоме прямо возлагали заботу о «второй категории кулаков» на хозорганизации, заключившие договоры на использование их труда³⁷.

При этом КСМП не проявлял инициативы в приеме переселенных. По данным информотдела ОГПУ, руководство Комсеверпути затягивало «приемку», ссылаясь на нехватку жилья, продовольствия и транспорта, а вопросы финансирования переадресовывало в Москву. Председатель правления Б.В. Лавров прямо заявлял: «Кулаки перевозятся не за

²⁸ Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 195.

²⁹ Оргбюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) по организации Игарского горкома было создано в момент присвоения Игарке статуса города в 1931 г. Оно выполняло функцию временного партийного органа, с одной стороны, подменяя полноценный горком на переходный период, с другой – регулировало процесс формирования городской парторганизации.

³⁰ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 35–36.

³¹ Smolka H.P. Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire. London, 1938. P. 195–196.

³² Gruber R. I went to the Soviet Arctic. New York, 1944. P. 93–94.

³³ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 3. Л. 3об; ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

³⁴ Воспоминания записаны Е.А. Палеевой и опубликованы игарским краеведом Валентиной Анатольевной Гапеенко 11.02.2017: История Игарки как хроника жизни / Публикация Е.А. Палеевой с комментариями В.А. Гапеенко // Блог Валентины Гапеенко [Электронный ресурс]. URL: <https://gapeenko.net/persons/7023-istoriya-igarki-kak-xronika-zhizni-semi.html> (дата обращения : 01.07.2025)

³⁵ Хлевнюк О.В. ГУЛАГ – не-ГУЛАГ. Взаимодействие единого // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст. СПб., 2020. С. 54, 58

³⁶ РГАЭ. Ф. 743. Оп. 1. Д. 354. Л. 52–64.

³⁷ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ... С. 47–48; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 292; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 242–243.

наш счет»³⁸. Между тем распределение спецпереселенцев происходило по решению центра в рамках системы, где формальные заявки предприятий сочетались с директивной логикой ОГПУ. В результате хозяйственные организации часто оказывались не готовы к их приему, а возникавшие противоречия и трудности ложились на местные советы и партийные органы³⁹.

Согласно постановлениям ВЦИК от 1931 и 1933 гг., Игарка получила статус города краевого подчинения, а ее горсовет стал высшим органом власти на подведомственной территории⁴⁰. По аналогии с райисполкомами, он курировал широкий круг вопросов – от коллективизации и реконструкции хозяйства до составления бюджета и снабжения⁴¹. В этой логике он участвовал и в регулировании положения спецпереселенцев: утверждал сметы на нужды спецпоселков, обеспечивал доступ к учреждениям общего пользования и, несмотря на формальный запрет, санкционировал их участие в самообложении⁴².

Однако это положение порождало коллизию: при высоком формальном статусе горсовет не имел административного контроля над предприятиями, подчиненными центральным ведомствам или напрямую СНК. Его полномочия ограничивались координацией, согласованием и надзором, не включая оперативное управление⁴³.

Отношения между КСМП и городской администрацией можно охарактеризовать как напряженное партнерство. Предприятия регулярно критиковались за срывы планов, перебои в снабжении, неучтенное жилье и неравномерное распределение ресурсов. Однако сама администрация зависела от КСМП, контролировавшего завоз продовольствия, стройматериалов и топлива. В условиях ограниченной навигации это давало Комсеверпути фактическую монополию и делало его эффективность критически важной – как для выполнения планов, так и для выживания населения, включая спецпереселенцев⁴⁴. При этом представление об асимметричной конкуренции справедливо лишь при взгляде через призму ресурсного доступа, в реальности баланс сил был подвижен и зависел от конкретной ситуации.

При ограниченных полномочиях городских органов ключевую роль играли партийные и ревизионные структуры – прежде всего контрольная комиссия РКИ и Игарский горком ВКП(б). В политизированной системе управления именно горком фактически выступал главным контролирующим звеном и посредником между ведомствами. В 1932 г. КК РКИ утвердила перечень должностей, закрытых для административно высланных и спецпереселенцев⁴⁵. При горкоме был создан сектор по работе со спецконтингентом (11 человек), занимавшийся не только идеологией и культурой, но и распределением переселенных по предприятиям, контролем заключения договоров, ведением учета и надзором за строительством объектов для спецпереселенцев⁴⁶.

Одним из инструментов влияния горкома были «добровольные» объединения, прежде всего женские. Они занимались просвещением, вовлекали женщин в массовую и городскую жизнь, обеспечивали участие переселенных в работе культурно-бытовых учреждений и содействовали заключению трудовых договоров⁴⁷. Несмотря на формальное подчинение горкому и комендатуре, эти объединения предоставляли переселенным ограниченный,

³⁸ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 97-98.

³⁹ Красильников С.А. Серп и Молот... С. 92.

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 55-73. Отдел первый. М., Б.г. С. 648.

⁴¹ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР. М., 1959. Т. 2: 1929–1939 гг. С. 257–265.

⁴² Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 198.

⁴³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановления Правительства РСФСР... С. 258

⁴⁴ Полянский Е.В. Деятельность государственных комплексных организаций в 1920-1930 гг. по организации арктического судоходства на Енисее // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 187–198.

⁴⁵ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 17. Л. 69–69 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 10 Л. 5–8.

⁴⁷ Там же. Д. 117. Л. 20, 21, 22, 25 об.

но реальный канал взаимодействия с местной властью. На женских собраниях могли обсуждаться вопросы снабжения или организовываться встречи с официальными ответственными лицами. Эти практики были не только элементом мобилизации «сверху», но и формой артикуляции интересов «снизу»⁴⁸.

Положение спецпереселенцев, как и остального населения Игарки, определялось не столько логикой особого режима, сколько балансом между хозяйственным монополистом и партийно-административной структурой. Эта двойственность порождала характерную для советской периферии модель власти без четкого центра, основанную на ситуативных соглашениях, компромиссах и локальных инициативах. Такая система была эффективна в условиях кризиса, но оставалась слабо институционализированной: каждый управленческий ответ был результатом импровизации, а не следованием устойчивому алгоритму.

После ликвидации Комсеверпути 11 марта 1933 г. его предприятия на Севере, включая Игарку, были переданы в ведение Главного управления Северного морского пути (ГУСМП)⁴⁹. Лесозаводы и биржа пиломатериалов отошли Наркомату лесной промышленности, в трест «Севполярлес», на предприятиях которого была сосредоточена основная масса спецконтингента⁵⁰. На базе расформированного Северо-Енисейского комбината был создан Таймырский трест, позднее преобразованный в Красноярское территориальное управление⁵¹. Эти структуры функционировали как формально автономные агенты, что породило сложную систему согласований с местной властью. Реальное распределение полномочий оставалось подвижным и зависело от ситуации, усиливая фрагментарность управления.

Реорганизация нарушила цепочки снабжения. В апреле 1933 г. коллегия ГУСМП утвердила стратегию, исключавшую предприятия, переданные другим наркоматам, из системы централизованного завоза. Игарка должна была перейти на снабжение через кооперативные каналы (за исключением объектов, оставшихся под контролем ГУСМП)⁵². Одновременно было прекращено продовольственное обеспечение около 16 тыс. спецпереселенцев, трудившихся в системе Наркомлеса; ГУСМП рекомендовало последнему заключить договор с лагерным управлением ОГПУ⁵³.

К августу 1933 г. горком констатировал, что снабженческая контора Таймыртреста не готова к приему грузов, а план завоза предусматривал сокращение норм – как для рабочих, так и иждивенцев⁵⁴. Администрация направила в Москву представителя «Севенстроя» в роли «толкача». Кризис был настолько острым, что обсуждалось предложение вывезти нетрудоспособных и спецпереселенцев из города ради сохранения продовольственных фондов⁵⁵. В 1933–1934 гг. горком фактически сосредоточил контроль над распределением ресурсов, пытаясь минимизировать последствия. Однако уже к зиме 1934 г. в Игарке зафиксировали вспышку цинги, особенно среди детей рабочих, чьи нормы питания были изначально снижены⁵⁶.

До середины 1930-х гг. статус Игарского горкома как центрального органа партийного контроля позволял ему влиять на деятельность предприятий, формально ему неподчиненных. На заседаниях бюро регулярно рассматривались вопросы снабжения, строительства, перевозок и распределения ресурсов, в том числе затрагивавшие положение спецпересе-

⁴⁸ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 117. Л. 23.

⁴⁹ Главное управление Северного морского пути – это союзный хозяйственно-административный орган СССР, руководивший освоением Арктики, организацией судоходства и снабжением по Северному морскому пути. В 1930-е гг. ГУСМП был непосредственно подчинен Совету Народных Комиссаров и действовал на уровне самостоятельного народного комиссариата.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–4.

⁵¹ Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Ленинград, 1969. Т. 4. Научное и хозяйственное освоения Советского Севера. 1933–1945. С. 163; ГАКК. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 8. Л. 180.

⁵² РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 6. Л. 211, 212.

⁵³ Там же. Л. 179–180.

⁵⁴ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Д. 90. Л. 63, 64, 65.

ленцев⁵⁷. Однако ситуация изменилась после постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которым предусматривалось создание системы территориальных политотделов ГУСМП во главе с Политуправлением⁵⁸. Это привело к централизации партийного контроля и фактическому выводу предприятий Главсевморпути из-под ведения местных партийных структур.

Игарка – показательный пример: политотдел охватывал все подразделения ГУСМП на Енисее и Таймыре, а с марта 1935 по май 1937 г. его начальник одновременно возглавлял и городской комитет ВКП(б)⁵⁹. Эта связка усиливала влияние ГУСМП на местную власть и легитимировала ранее неформальные формы взаимодействия. В то же время она радикально изменила баланс партийного влияния, в том числе в сфере управления и обеспечения спецпереселенцев.

Особый интерес представляет кейс первого начальника игарского политотдела В.П. Остроумовой, которая в 1935–1937 г. фактически сосредоточила в своих руках местную партийно-административную власть. Несмотря на короткий срок, ее деятельность демонстрировала, как в условиях ведомственной разобщенности могла формироваться устойчивая политическая инициатива. Она координировала разнородные структуры, лоббировала интересы Игарки в центре, занималась вопросами снабжения и кадров, действуя, скорее, как представитель города и региона, чем как представитель ведомства⁶⁰.

Остроумова открыто артикулировала проблему «оседания» кадров и видела в спецпереселенцах не угрозу, а точку опоры для освоения Севера. Летом 1935 г. на краевой партийной конференции она подчеркивала, что условия жизни мешают закреплению работников: неорганизованность, нехватка жилья, сбои в завозе⁶¹. В письме к И.В. Сталину (октябрь 1935 г.) она отмечала, что до 70 % населения города составляют спецпереселенцы: «наша основная обязанность – перековать, перевоспитать этих людей, сделать именно из “чуждых” не “чуждых”». Однако ее подход вызывал критику даже внутри Игарского бюро, включая представителей НКВД⁶².

Обозначенная позиция получила развитие в письме В.П. Остроумовой к И.В. Сталину и В.М. Молотову от 25 мая 1936 г., переданном через первого секретаря крайкома П.Д. Акулинушкина. В нем предлагалась институционализация нового подхода к спецпереселенцам: допуск надежной молодежи в комсомол, частичная свобода передвижения для восстановленных в правах (в пределах Севера), доступ к высшему образованию. Ключевым было предложение передать Игарскому горсовету право восстанавливать в правах детей спецпоселенцев – ранее это относилось к компетенции карательных органов⁶³. П.Д. Акулинушкин выразил поддержку ряду этих инициатив, отметив, что некоторые из них уже реализуются на краевом уровне⁶⁴. Это подтверждает: предложения Остроумовой не были изолированной самостоятельностью, а отражали попытку выстроить иную модель интеграции спецконтингента.

Однако ее проект противоречил действующему правовому режиму. Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. и циркуляр НКВД от 15 марта запрещали восстановленным выезд из мест поселения⁶⁵. В том же году спецпереселенцы были лишены всех льгот, включая предоставленные работникам Крайнего Севера⁶⁶. Таким образом, Остроумова ставила под вопрос саму логику правового режима: предлагала расширить статус переселенцев.

⁵⁷ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 4, 7-7об; ГАКК. Ф. П-21. Оп. 2. Д. 1. Л. 2, 5, 8.

⁵⁸ Изучение и освоение Арктической зоны России... С. 220–225.

⁵⁹ ГАКК. Ф. П-32. Оп. 1. Д. 8. Л. 184–185.

⁶⁰ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 3. Д. 30. Л. 70–74; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 128. Л. 9–36.

⁶¹ Остроумова В.П. Дело освоения Севера двигать вперед! ... С. 1.

⁶² РГАСПИ Ф. 558. Оп. 11. Д. 781. Л. 85–86.

⁶³ ГАКК. Ф. П-21. Оп. 3. Д. 3. Л. 44–46.

⁶⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

⁶⁵ Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении... С. 76; Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 356.

⁶⁶ Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе... С. 356.

ленных и передать часть полномочий от центра к местной власти. Это подчеркивало не ведомственную инициативу, а автономию политического мышления, опиравшегося на повседневный опыт Игарки.

Тем не менее 22 июня 1936 г. ЦК ВКП(б) одобрил инициативы, а 10 июля президиум ВЦИК наделил Игарский горсовет исключительными полномочиями⁶⁷. Локальная модель, сначала вызвавшая споры, была признана и закреплена. Тем самым спецпереселенцы превращались из пассивного ресурса в участников арктического проекта, а местная власть – в посредника, адаптирующего репрессивные инструменты к задачам территориального освоения. Однако, на фоне ужесточения курса и централизации партийного контроля, в 1937 г. Остроумова была освобождена от должности. В числе причин упоминалась ее «излишне мягкая» позиция в отношении спецконтингента, хотя совокупные мотивы принятого решения остаются не ясными до сих пор. В 1939 г. Игарка стала пунктом депортации по национальному признаку и частью системы лагерей ГУЛАГа. В условиях нарастания международной напряженности и подготовки к войне, при остром дефиците времени и ресурсов, труд заключенных воспринимался как наиболее эффективный. Попытка Остроумовой осталась исключением – кратким эпизодом локальной инициативы в условиях жесткой вертикали власти.

Заключение. Случай Игарки не охватывает всей сложности системы крестьянского спецпереселения 1930-х гг., но ярко иллюстрирует ее локальное измерение. В сопоставлении с катастрофами масштаба Назино или массовой смертности в д. Клюквенской он демонстрирует противоположный вектор – частичную и сравнительно успешную интеграцию переселенных в структуру города, тесно связанную с задачами индустриального освоения Севера⁶⁸.

Этот кейс показывает, как общие принципы репрессивной политики реализовывались в конкретных условиях: система адаптировалась к задачам территориального развития, а местные органы и ведомства играли в этом ключевую роль. В условиях ведомственной фрагментации и отсутствия единого центра власть складывалась не как вертикаль, а как поле ситуативных взаимодействий – гибкая противоречивая конфигурация, основанная на координации, конкуренции и зависимости.

Подобная структура была не уникальной, но в Игарке она проявилась особенно отчетливо – из-за масштабов спецконтингента, стратегического статуса города и наличия политических акторов, действовавших с опорой на местные интересы. Здесь власть становилась не просто исполнением предписаний, а балансом между нормативной рамкой и реальностью: решения рождались в процессе многоуровневых переговоров, часто инициированных снизу.

Пример Игарки выражает крайнюю степень проявления имманентных свойств советской системы управления – ситуативности, множественности центров и зависимости от контекста. Он не универсален, но позволяет зафиксировать важную особенность власти на местах: как поля возможных, а не заранее предписанных решений.

Литература

Бердинских В.А. Система спецпереселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 503 с.*

Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Ленинград: Гидрометеиздат, 1969. Т. 4: Научное и хозяйственное освоения Советского Севера. 1933–1945. 616 с.

Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 335 с.

Замятина Н.Ю. Северный город-база: особенности развития и потенциал освоения Арктики // Арктика: экология и экономика. 2020. № 2. С. 4–17.

⁶⁷ ГАКК Ф. П-21. Оп. 3. Д. 3. Л. 93; Политбюро и крестьянство... Кн. 2... С. 111.

⁶⁸ Назинская трагедия подробно освещена в документах, опубликованных в сборнике: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 76–118; Панков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 101–102.

Иванов А.С. Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4. С. 40–46.

Иванов А.С., Михалев Н.А. «Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири) // Новейшая история России. 2023. № 1. С. 39–55.

Игнатова Н.М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2023. № 8. С. 52–60.

Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII – начале XXI вв.: сб. док-тов и мат-лов / сост. С.И. Боякова, Е.В. Комлева и др. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. 329 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док-тов в 7 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / под. ред. Т.В. Тцаревской-Дякиной. 824 с.*

Карские операции 1920–1930-х годов: сб. док-тов из архива компании «Совфрахт» / авт. сост. Е. Емелина, М. Сфвинов, П. Филин. М.: Паульсен, 2019. 296 с.

Корсакова О.В. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы // Проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. Красноярск: Универс, 2002. С. 12–21.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 228 с.

Красильников С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 327 с.*

Красильников С.А. Четверть века крестьянской ссылки: итоги репрессированного раскрестьянивания (1930–1954) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: мат-лы XV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2023. С. 312–320.**

Красильников С.А., Ушакова С.Н. Крестьянская семья на спецпоселении. Итоги «первой пятилетки» (1931–1935 гг.) // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. С. 72–86.

Лобченко Л.Н., Панкратова М.Е., Яшина А.Н. Особенности формирования, организации и развития сельского хозяйства в спецпоселках Северного края в 1930-х гг. // Вопросы истории. 2023. № 12. С. 82–95.

Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920-1930-е годы) / отв. ред. С.А. Красильников. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 600 с.*

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 440 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 912 с.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2 / отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 1120 с.

Полянский Е.В. Деятельность государственных комплексных организаций в 1920–1930 гг. по организации арктического судоходства на Енисее // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 187–198.

Раков А.А. Спецпереселенцы на Урале в 1930-е гг.: генезис и динамика региональной подсистемы принудительного труда // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2011 г.) М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 417–432.

Северные морские пути России / коллект. монограф. под ред. В.В. Васильевой и К.А. Гавриловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 672 с.

Сибирцев Н., Итин В. Северный морской путь и Карские экспедиции. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1936. 231 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова и др. Новосибирск: Сибирская издательская фирма, 1992. 283 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова и др. Новосибирск, ЭКОР, 1994. 310 с.

Теляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930-1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 450-468.

Хлевнюк О.В. ГУЛАГ – не-ГУЛАГ. Взаимодействие единого // Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст. СПб.: Academic Studies Press/БиблиоРос-сика, 2020. С. 49-80.

Чернышева Н.В., Буцких М.В. Сельскохозяйственные переселения в СССР середины 1920-х – начала 1950-х годов: основные этапы, масштабы и результаты // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 63–73.

Alagozkyzy G. A policy of 'dekulakization' and deportations from the republic: on the example of special resettles // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. Vol. 140, № 3, pp. 122–135.

Gruber R. I went to the Soviet Arctic. New York: The Viking Press, 1944. 285 p.

Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 441 p.

McCannon J. Red Arctic: polar exploration and the myth of the north in the Soviet Union. New York: Oxford University Press, 1998. 234 p.

Schweitzer P, Povorozhuyk O, Schiesser S. Beyond wilderness: towards an anthropology of infrastructure and the built environmental in the Russian North // The Polar Journal. 2017. Vol. 7, No 1, pp. 58–85.

Smolka H.P. Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire. London: Hutchinson & Co, 1938. 288 p.

References

Alagozkyzy, G.A (2022). Policy of 'Dekulakization' and Deportations from the Republic: On the Example of Special Resettles. In *Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. Vol. 140, No. 3, pp. 122–135.

Belov, M.I. (1969). *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti*. T. 4: Nauchnoe i khozyaystvennoe osvoenie Sovetskogo Severa. 1933–1945 [History of Discovery and Development of the Northern Sea Route. Vol. 4. Scientific and Economic Development of the Soviet North]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 616 p.

Berdinskikh, V.A. (2017). *Sistema spetspereseleniy v Sovetskom Soyuze, 1930–1950-kh godov* [The System of Special Resettlements in the Soviet Union in the 1930s–1950s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 503 p.*

Boyakova, S.I., Komleva, E.V. (Eds.). (2011). *Izuchenie i osvoenie Arkticheskoy zony Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: sbornik dokumentov i materialov* [Study and Development of the Arctic Zone of Russia in the 18th – Early 21st Centuries: Collection of Documents and Materials]. Novosibirsk, Sibirskoye nauchnoe izdatel'stvo. 329 p.

Chernysheva, N.V., Butskikh, M.V. (2025). Selskokhozyaystvennye pereseleniya v SSSR serediny 1920-kh – nachala 1950-kh godov: osnovnye etapy, masshtaby i rezul'taty [Agricultural Resettlement in the USSR in the Mid-1920s – Early 1950s: Main Stages, Scale and Results]. In *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 63–73.

Emelina, E., Sfinov, M., Filin, P. (Eds.). (2019). *Karskie operatsii 1920–1930-kh godov. Sbornik dokumentov iz arkhiva kompanii "Sovfrakht"* [Kara Operations of 1920–1930s. Collection of Documents from the Sovfracht Archive]. Moscow, Paul'sen. 296 p.

Gruber, R. (1944). *I went to the Soviet Arctic*. New York, The Viking Press. 285 p.

Ignatova, N.M. (2023). Spets(trud)poselki kak naselennye punkty v 1930-e gody (na materialakh Respubliki Komi) [Special (Labour) Settlements as Settlements in the 1930s (On the Materials of the Komi Republic)]. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 8, pp. 52–60.

Josephson, P.R. (2014). *The Conquest of the Russian Arctic*. Cambridge, Harvard University Press. 441 p.

Khlevnyuk, O.V. (2020). GULAG – ne-GULAG. Vzaimodeystvie edinogo [GULAG – Non-GULAG. Interaction of the Unified]. In *Fenomen GULAGa: interpretatsii, sravneniya, istoricheskiy kontekst*. St. Petersburg, Academic Studies Press / BiblioRossika, pp. 49–80.

Korsakova, O.V. Pravovoe polozhenie krest'yan-spetspereselentsev v 1930-e gody [Legal Status of Special Resettlement Peasants in the 1930s]. In *Problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statey*. Krasnoyarsk, Univers, pp. 12–21.

Krasil'nikov, S.A. (2003). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 228 p.

Krasil'nikov, S.A. (2010). *Korni i shchepki. Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg* [Roots and Splinters. Peasant Family on Special Settlement in Western Siberia in the 1930s – Early 1950s]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 327 p.

Krasil'nikov, S.A. (2023). Chetvert' veka krest'yanskoy ssylki: itogi repressirovannogo raskrest'yanivaniya (1930–1954) [A Quarter of a Century of Peasant Exile: Results of Repressed Peasantisation (1930–1954)]. In *1953-y. Podvedenie itogov i vybor puti: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Yekaterinburg, 21–24 iyunya 2023 g.)*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, pp. 312–320.

Krasil'nikov, S.A., Golikov, Yu.I., Pinkin, V.I. (2017). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody)* [Marginalised People in Society. Marginalised People as a Society. Siberia (1920s–1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 600 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsova, V.L. (Eds.). (1992). *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special Settlers in Western Siberia. 1930 – Spring 1931]. Novosibirsk, Sibirskaya izdatel'skaya firma. 283 p.

Krasil'nikov, S.A., Kuznetsova, V.L. (Eds.). (1994). *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938 gg.* [Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938]. Novosibirsk, EKOR. 310 p.

Krasil'nikov, S.A., Ushakova, S.N. (2003). Krest'yanskaya sem'ya na spetsposelenii. Itogi “pervoy pyatiletki” (1931–1935 gg.) [Peasant Family on Special Settlement. The Results of the “First Five-Year Plan” (1931–1935)]. In *Adaptatsiya naseleniya v Sibiri: etapy, mekhanizmy, rezul'taty*. Novosibirsk, GUP RPO SO RASKhN, pp. 72–86.

Lobchenko, L.N., Pankratova, M.E., Yashina, A.N. (2023). Osobennosti formirovaniya, organizatsii i razvitiya selskogo khozyaystva v spetsposelkakh Severnogo kraya v 1930-kh gg. [Features of Formation, Organisation and Development of Agriculture in Special Settlements of the Northern Territory in the 1930s]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 82–95.

McCannon, J. (1998). *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. New York, Oxford University Press. 234 p.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 440 p.

Pokrovskaya, N.N. (Ed.). (2005). *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 knigakh. Kniga 1* [Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement. 1930–1940: In 2 books. Book 1]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 912 p.

Pokrovskaya, N.N., Danilov, V.P., Krasil'nikov, S.A., Viola, L. (Eds.). (2006). *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 knigakh. Kniga 2* [Politburo and the Peasantry: Expulsion, Special Settlement. 1930–1940: In 2 books. Book 2]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 1120 p.

Polyanskiy, E.V. (2021). Deyatel'nost' gosudarstvennykh kompleksnykh organizatsiy v 1920–1930 gg. po organizatsii arkticheskogo sudokhodstva na Yenisee [Activities of State Complex Organisations in 1920–1930 to Organise Arctic Navigation on the Yenisei]. In *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1, pp. 187–198.

Rakov, A.A. (2013). Spetspereselentsy na urale v 1930-e gg.: genezis i dinamika regional'noy podsystemy prinuditel'nogo truda [Special Settlers in the Urals in the 1930s: Genesis And Dynamics of the Regional Subsystem of Forced Labour]. In *Istoriya stalinizma: prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat': materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 28–29 oktyabrya 2011 g.)*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 417–432.

Schweitzer, P, Povorozhuyk, O, Schiesser, S. (2017). Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environmental in the Russian North. In *The Polar Journal*. Vol. 7, No. 1, pp. 58–85.

Sibirtsev, N., Itin, V. (1936). *Severnyy morskoy put' i Karskie ekspeditsii* [Northern Sea Route and the Kara Expeditions]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo. 231 p.

Smolka, H.P. (1938). *Forty Thousand against the Arctic: Russia's Polar Empire*. London, Hutchinson & Co. 288 p.

Teplyakov, A.G. (2013). “Okhrannoe otделение” rezhimnoy ekonomiki: komendantskiy korpus spetsposeleniy v Sibiri (1930–1940-e gg.) [The “Security Department” of the Regime Economy: The Commandant Corps of Special Settlements in Siberia (1930s–1940s)]. In *Istoriya stalinizma: prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat': materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 28–29 oktyabrya 2011 g.)*. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, pp. 450–468.

Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (Ed.). (2004). *Istoriya Stalinskogo GULAG. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobranie dokumentov v 7 tomakh. Tom 5: Spetspereselentsy v SSSR* [History of Stalin's GULAG. The End of the 1920s – the First Half of the 1950s: Collection of Documents in 7 Vols. Vol. 5. Special Resettlers in the USSR]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 824 p.

Vasil'eva, V.V., Gavrilova, K.A. (Eds.). (2023). *Severnye morskoe puti Rossii* [Russia's Northern Sea Routes]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 672 p.

Viola, L. (2010). *Krest'ianskiy GULAG: mir stalinskikh spetsposeleniy* [Peasant GULAG: The World of Stalin's Special Settlements]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 335 p.

Zamyatina, N.Yu. (2020). Severnyy gorod-baza: osobennosti razvitiya i potentsial osvoeniya Arktiki [Northern Base City: Peculiarities of Development and Potential for Arctic Exploration]. In *Arktika: ekologiya i ekonomika*. No. 2, pp. 4–17.

* Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Юрием Сергеевичем Пивоваровым либо касается деятельности иностранного агента Юрия Сергеевича Пивоварова.

** Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Яном Збигневичем Рачинским либо касается деятельности иностранного агента Яна Збигневича Рачинского.